

SERENISSIMA МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ:
СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВЕНЕЦИАНСКИХ
ЧИНОВНИКОВ В НАЧАЛЕ XV ВЕКА*

Albania Veneta (Венецианская Албания) — название территории, которой с конца XIV в. владела Венецианская республика. В ее состав входили побережье Адриатики к югу от Далмации, включая Боко-Которский залив, и побережье Албании (сегодня это Черногория и республика Албания)¹. Венеция проявила интерес к этому региону еще во время ее первой экспансии на Восток в X в., однако непосредственного контроля над этими областями достигла в результате войны против Генуэзской республики в 1378–1381 гг. Согласно условиям мирного договора, заключенного в 1381 г. в Турине, Адриатика переходила под контроль Венеции, и, как следствие, в прибрежных городах Дураццо (1392), Алессио (1393), Скутари и Дривасто (1396) вводилось венецианское правление. В течение первых десятилетий XV в. Венецианская Республика стремилась овладеть городами Дулчиньо, Будва, Антивари и сельскими территориями нижней Зеты, и ее экспансия закончилась в 1420 г. подчинением Синьории коммуны Котора.

Три десятилетия, в течение которых Венеция обживалась в этом регионе, были чрезвычайно беспокойными для Республики, так как ее господство оспаривалось местными феодалами, главным образом семьей Балшичей из Зеты и боснийским магнатом Сандалем Храничем (1392–1435), с которыми она часто конфликтовала. Балшичи были тесно связаны с сербским деспотом Стефаном Лазаревичем (ок. 1377–1427), который в конце концов и сам вступил в открытую войну против Венеции (1419–1423/1426). За развитием отношений Венецианской Республики с местными феодалами внимательно наблюдали другие заинтересованные в этом регионе державы, главным образом Анжуйская династия в Венгрии и родственная ей династия в Неаполе, а также турки-османы, которые уже со времен битвы на Косовом поле (1389 г.) часто наведывались в Западные Балканы и использовали каждую благоприятную возможность, чтобы участвовать в местных конфликтах и извлекать из них пользу².

В *Albania Veneta* Венецианская Республика сталкивалась с разнообразным в этническом, конфессиональном и социальном

* Нада Жечевич – доктор, доцент Философского факультета университета Восточного Сараево. Статья написана для данного выпуска.

отношениях населением (славянами, албанцами, народами греко-римского происхождения, валахами), обычаи и феодальные порядки которого не укладывались в венецианскую юридическую практику. Вследствие этого попытки Республики ввести статуты и создать какое-то юридическое обрамление своей власти рассматривались тамошними феодалами как “ограничение их древних свобод” и часто оспаривались как незаконные во время мятежей и других акций протеста. Местное население также жаловалось на тяжелые подати, налагаемые венецианцами, и на несправедливые условия торговли, которые поощряли прежде всего коммерческую деятельность венецианцев и итальянских *homines novi*. Кроме того, коренные жители указывали на неспособность чиновников Синьории защитить их от агрессивных соседей. В течение первых десятилетий венецианского правления такие жалобы звучали особенно громко, и часто их причиной оказывалось недовольство, которое вызывала продажность местных представителей администрации Синьории. Чиновники-взяточники встречались во всех городах Венецианской Албании, как и на других территориях республики, и в документах они упоминались как лица, незаконным образом использующие административные ресурсы венецианской коммуны³. В этой статье исследуются судебные дела о продажности трех чиновников, злоупотребления которых, однако, не ограничивались финансовой сферой, но представляли собой более сложную манипуляцию вверенной им властью и верховными полномочиями. Эти казусы не связаны друг с другом непосредственно, но имеют ряд общих черт. Одна из них заключается в том, что все они произошли примерно в одно и то же время, на начальном этапе венецианской колонизации этого региона. Другая – в том, что все три преступления были совершены чиновниками, занимавшими самое высокое положение в администрации Скутари и Дураццо – двух центров, которые являлись стратегически важными опорными пунктами венецианской власти в этом регионе. Наличие такого сходства заставляет поставить вопрос: воспринималась ли “излишняя вольность” чиновников⁴ просто как недоразумение, причиной которого послужили личные качества – заносчивость и амбиции, или же они скорее были связаны с более широким спектром социально-политических обстоятельств, которые спровоцировали известные злоупотребления, имевшие место в самой сердцевине *Albania Veneta*? Чтобы ответить на этот вопрос, я более подробно остановлюсь на каждом из отраженных в источниках казусов, а затем сравню их в контексте истории Венецианской Албании начала XV в.

КАЗУС ПЬЕТРО АРИМОНДО,
ИЛИ О ЖЕСТОКОСТИ ВЕНЕЦИАНСКОГО БАЙЛО

Патриций Пьетро Аримондо, сын Фантино, принадлежал к знатной венецианской семье, которая издавна была связана с восточной Адриатикой различными семейными и деловыми связями⁵. Между весной 1407 г. и летом 1408 г. он упоминается как байло и капитан города Дураццо⁶. В актовых записях от 29 октября 1409 г. Аримондо — участник судебного процесса, возбужденного против него Венецианской республикой. Этому судебному разбирательству предшествовало длительное расследование, в результате которого было установлено, что обвиняемый нанес серьезный ущерб находившимся в его власти жителям. Первым из них был Николо из Пармы, секретарь Пьетро, которого байло обвинил в подлоге и взяточничестве. На основании этих обвинений Николо был заключен в городскую тюрьму, где его подвергали страшным истязаниям, а затем повесили на городской башне. О пытках стало известно члену венецианского магистрата Якопо из Рипы, который мог наблюдать и некоторые другие примеры превышения власти Аримондо в Дураццо. Позже Николо был оправдан Синьорией по результатам рассмотрения его исковых заявлений⁷. Другим человеком, который пострадал от пыток Аримондо, был Иоанн из Реджио (из Калабрии) — Аримондо обвинил его в даче взяток Николо, которого Иоанн якобы просил подделать завещание первого мужа своей жены (некоего Стефано Плисси из Дураццо) для того, чтобы завладеть собственностью покойного. В тюрьме Иоанна несколько раз распинали, и в конце концов он был задушен. Третьей пленницей Аримондо была жена Иоанна из Реджио Киранна, которой байло угрожал отрубить обе руки, если она не подтвердит обвинения, выдвинутые против этих двух мужей. Четвертой жертвой Аримондо был священник по имени Влад из города Дураццо — его байло обвинил в краже двух мер полотна. Клирик не переставал утверждать, что получил этот кусок ткани в качестве подарка, в то время как чиновник заверял, что полотно было украдено у слуги консула Дураццо — в конце концов Аримондо в наказание другим повесил святого отца на вершине морской башни⁸.

Судебный процесс над Аримондо длился только две недели, и за применение насилия в отношении этих четырех несчастных он был приговорен к двум годам содержания в нижней венецианской тюрьме Поцци с конфискацией всей его собственности, к возмещению ущерба подвергшимся пыткам, к пожизненному запрету занимать публичные должности, а также к лишению права просить о поми-

ловании или каком-либо облегчении приговора. Оценивая эту меру наказания исходя из сегодняшних представлений о жестокости, мы могли бы сказать, что этот приговор был вполне заслуженным. Однако есть две детали, которые говорят о том, что приговор не был справедливым сведением счетов с Аримондо за совершенные им проступки. Во-первых, венецианские власти возражали не против наказания им пленников, но против чрезмерной и негуманной природы наказаний⁹. Во-вторых, в сравнении с некоторыми другими судебными расследованиями, которые тянулись в венецианском суде долгие годы, процесс Аримондо был на редкость коротким, и в то же время число занявших в этом процессе нейтральную позицию было необычно большим (при голосовании из 192 человек 101 воздержались, 13 высказались против вынесения приговора и 78 – за)¹⁰.

При более пристальном взгляде на акты процесса можно обнаружить, что за обвинениями Аримондо в попытках на самом деле скрывается осуждение намного более опасного должностного преступления – речь шла о неверности венецианскому правительству и деятельности, равнозначной государственной измене. Финансовые отчеты Дураццо, которые начали приходить в Венецию с самого начала вступления Аримондо в должность (июль и август 1407 г.), свидетельствуют о бесконтрольной утечке денежных средств из городской казны и припасов с венецианских складов¹¹. Если вначале это можно было объяснить личной неспособностью Аримондо быстро решить доставшуюся ему в наследство от предшественников проблему растраты средств, то вскоре стало ясно, что его самонадеянное поведение серьезно подрывало репутацию венецианской республики. В мае 1408 г. Аримондо конфисковал ряд товаров купца из Анконы Чинцио де Грассис, что породило напряженность в дипломатических отношениях Синьории с торговой коммуной¹². Серьезное раздражение властей метрополии вызывала также дружеская связь Аримондо с графом Никитой Топиа (ум. 1415) – трудно контролируемым местным феодалом, правителем территорий южнее Дураццо и ряда областей Албании, которыми ранее обладал его могущественный кузен Карло Топиа¹³. Формально Никита вел себя по отношению к Венеции лояльно, но при этом он содержал собственный аппарат власти и армию, что позволяло ему действовать независимо от метрополии и при случае даже угрожать венецианским владениям в прилегающих к Дураццо сельских коммунах. Через Никиту Аримондо связался с непосредственными врагами Венеции в этом регионе – Балшей III Балшичем (правил в 1403–1421 гг.) и его матерью Еленой (ум. 1443). Балша часто вступал в конфликт

с Венецией, оспаривая ее права на города Скутари и Дривасто. Во время правления Аримондо этот спор перешел в открытую войну (1407–1409 гг.), которая в начале 1408 г. временно прекратилась благодаря заключению мирного договора. Согласно условиям этого договора Балшичам были отданы города Дулчиньо и Антивари, а также побережье р. Бояны – в обмен на эти владения они должны были отказаться от своих притязаний на Скутари и Дривасто в пользу Венеции¹⁴. Аримондо как официальный представитель Республики был главным посредником в церемонии заключения соглашения. Однако, как упоминается в венецианских актах, всего лишь за день до этой церемонии он вместе с графом Никитой был избран Еленой Балшич судьей (*judex*) и посредником (*arbitror*) для защиты ее интересов от венецианцев (*zudexi et arbitri eletti per la Magnifica Dona Madona Helena*)¹⁵. Венецианские документы не очень подробно комментируют двойственную позицию Аримондо, но они достаточно пристально ее отслеживают; об этом можно судить даже по тому факту, что церемонию соглашения посетил член венецианского магистрата Якопо де Риппа – тот самый, который внимательно изучал другие должностные преступления Аримондо в Дураццо¹⁶. Почему де Риппа, зная о связях чиновника с графом Никитой и Балшичем, на этом основании не выдвинул против Аримондо прямое обвинение в государственной измене? Об этом в соответствующих документах не упоминается, но вполне вероятно, что в тот момент главной целью де Риппа было обеспечить мир с Балшичами – наказание же Аримондо и его пожизненное устранение от дел правления было уже гарантировано, так как свидетельства очевидцев о том, что он подверг пыткам четырех жителей Дураццо, являлись достаточным основанием для возбуждения судебного дела¹⁷.

БЕНЕДЕТТО КОНТАРЕНО, ИЛИ О РВЕНИИ ВЕНЕЦИАНСКОГО РЕКТОРА

Бенедетто Контарено был ректором* Скутари в период между июлем 1408 г. и ноябрем 1410 г. Как и Аримондо, он также происходил из венецианской семьи, имевшей связи с албанским миром¹⁸. Синьория высоко ценила нового ректора, и назначение Контарено на эту должность казалось наилучшим решением проблемы злоу-

* Ректор – наместник Венеции на территориях, находившихся в разное время в той или иной форме зависимости от Венецианской республики, представитель исполнительной власти. Примеч. пер.

потреблений властью, в которых были замешаны его предшественники. Однако не прошло и месяца после того, как он занял эту должность, как появились первые жалобы. Братья Стефано и Никколо, сыновья Андреа Спано, заявили, что были изгнаны новым ректором из города. В ответ Контарено обвинил их в том, что они замыслили мятеж, но позже стало очевидным, что он преследовал братьев из-за одного частного разногласия с их отцом¹⁹. Подобным же образом Контарено продемонстрировал свою склонность к расправе без суда и следствия, когда приговорил к смертной казни некоего Дукалетто, заявив, что и тот был замешан в каких-то бунтарских акциях, в то время как его вдова постоянно отвергала эти обвинения как ложные. Наказав Дукалетто за мнимый мятеж, ректор Контарено даже отправил в тюрьму его сына, 11-летнего мальчика, которого он держал в заключении долгие месяцы, отобрав у него всю одежду²⁰. Контарено также излишне сурово поступил с одним клиентом Балшича, который появился в Скутари в качестве сопровождающего нескольких купцов из Рагузы. Вразрез с инструкциями властей, которые предписали провести тщательное расследование причин такого визита в Скутари, ректор немедленно схватил этого человека и заключил в городскую тюрьму²¹.

Рвение Контарено легко могло перейти границы мнимой заботы о безопасности венецианского домена. К примеру, он обложил тяжелыми податями местных жителей из прилегающих к Скутари деревень, что в результате вызвало летом 1409 г. открытый крестьянский мятеж²². Примерно через год некоторые из этих жителей восстали именно в тот момент, когда Балша III, у которого деревенское население от случая к случаю просило защиты, начал вторгаться в венецианские владения²³. В сложившейся ситуации особое раздражение властей Венеции вызвала информация о том, что Контарено нерегулярно платил защищавшим Скутари местным наемникам, из-за чего они неоднократно по разным случаям делали ему свои официальные предупреждения²⁴. Но еще более тяжкий проступок Контарено перед Венецией заключался в том, что он приватизировал торговлю солью. Во время первых кризисов, разразившихся в 1408 г. в связи с задержками в оплате наемников, наместник Скутари использовал доход коммуны от продажи соли, чтобы покрыть свои долги. То было срочное средство, к которому некоторые другие чиновники уже прибегали, но Контарено был склонен превратить его в регулярную практику²⁵. Чтобы полностью контролировать эту статью дохода, Контарено сначала пришлось ограничить привилегии Андреа Марчелло, весьма уважаемого венецианца, который имел официальное разрешение на

торговлю солью. Власти Венеции резко возражали против подобного ограничения и в ответ поручили Марчелло контролировать городские запасы²⁶. Несомненно, Синьория издала данное распоряжение в первую очередь для того, чтобы отслеживать, чем занимался Контарено, и это обстоятельство его сильно раздражало, особенно если контроль осуществлялся в тот момент, когда он должен был покинуть город по своим делам²⁷. В конце концов о преступлениях чиновника донесли центральным органам венецианского судопроизводства. Интересно, что это было сделано не Марчелло, но подчиненным Контарено казначеем Дураццо, Лазарем Орсо. В донесении казначей отметил, что ректор имел привычку платить наемникам роскошными тканями, которые были предметом коммунальной собственности, – причем платил он намного больше, чем об этом докладывал²⁸.

Синьория выразила свое крайнее разочарование в поведении Контарено, считая, что действия наместника стали величайшим позором для венецианской власти и нанесли ей вред²⁹. Чтобы оценить степень злоупотреблений ректора, были осуществлены масштабные судебные расследования с участием наемников из всех концов Албании, произведена проверка цен на соль и текстиль, которые, по слухам, Контарено изменил в соответствии со своими интересами, а также проверка размеров той платы, которую в общем итоге получили наемники от ректора. Расследования продолжались около двух лет, и в течение всего этого времени Контарено, судя по актам, все еще активно исполнял некоторые из своих функций представителя венецианской администрации³⁰. Официально ректор покинул свой пост в ноябре 1410 г., но даже это событие было отмечено вспышкой раздражительности и ярости – он отказался передать отчет о расходах городскому казначейству и препятствовал расследованию дел, отдавая приказы своим бывшим подчиненным и оказывая давление на своих коллег, с тем, чтобы они уклонились от дачи показаний или каких-либо иных направленных против него действий³¹.

ПАОЛО КВИРИНО, ИЛИ 13 ПРОСТУПКОВ “ДРАЖАЙШЕГО ДРУГА”

Как оба других чиновника, Паоло Квирино был венецианцем с сильными семейными и деловыми связями в венецианской Албании. Между 1414 и 1415 гг. он служил в качестве наместника и капитана Скутари³². Отличие казуса Квирино от двух предыдущих заключается в том, что в относящихся к его правлению до-

кументах не зафиксировано никаких крупных эксцессов или негативных отзывов о его работе. По-видимому, Квирино аккуратно и добросовестно исполнял свои обязанности, и местные роды доброжелательно относились к нему, поскольку он, в частности, проявил большую компетентность, участвуя в процедурах определения прав их собственности и межевания границ земельных участков. Предоставленные кланам привилегии долгое время оставались неизменными после его увольнения, а местная знать Дураццо с похвалой отзывалась о Квирино, который помог им обеспечить гарантированное жалование от Синьории; он также активно участвовал в процессе усмирения Балшичей³³. Судя по обращению “дражайший друг” (*amicus carrissimus*), которое власти Венеции употребляли в общении с ним, Квирино пользовался большим уважением, и это уважение можно почувствовать даже в смиренных предостережениях Синьории в связи с некоторыми немногочисленными жалобами, направленными венецианским властям из Скутари³⁴.

В свете всего вышесказанного тот факт, что 1 июня 1416 г. Паоло Квирино был привлечен к суду по поводу 13 серьезных обвинений в оскорбительном поведении и насилии, кажется необычным – этот процесс бросает тень на “дражайшего чиновника”³⁵. Судебное дело было возбуждено по обвинению Квирино в том, что он отправил в тюрьму некоего Медо де Кассини, жителя городского округа. Обвинители утверждали, что Квирино потребовал от Медо аннулировать брак его дочери, признанной местной красотки, с неким Койей, дабы Квирино мог вступить с ней в плотские отношения (*vtēbatur carnaliter cum filia*). Медо и его дочь заставили замолчать с помощью подкупа – наместник пожаловал им привилегию продавать вино по существенно более низким ценам, чем те, которые предписывали древние обычаи рынка Фолетты. В результате все прочие венецианские подданные, продававшие вино на рынке, понесли ущерб. Квирино также заручился молчанием своих жертв, предоставив им виноградник в Акониго, который он еще раньше конфисковал у некоей бедной булочницы по имени Киранна.

Страсть Квирино к красивым женщинам привела его к еще одному подобному обвинению: он будто бы приказал доставить одну свою подданную из Скутари в навесную башню, где вместе со своим родственником Иеронимо вступил с ней в плотскую связь (*formosam [...] carnaliter cognovit... vtendo carnaliter cum ipsa muliere*). Эта ночная оргия вскоре превратилась в открытую любовную аферу, которую Квирино продолжил с той же женщиной.

К великому потрясению и изумлению жителей Скутари, наместник и его любовница не пытались скрыться от публики, демонстрируя свою связь в публичных местах и в те часы, когда Квирино должен был исполнять свои непосредственные обязанности.

К обвинениям в постыдном сексуальном поведении наместника адвокаты Республики добавили обвинение в безответственном распределении зерна и открытом пополнении своей сокровищницы за счет коммунальных средств (в частности, путем использования исключительного права продажи вина в Спине в Скутари), как и во введении по собственной воле особых податей, о которых он никогда не сообщал в городское казначейство. Квирино также считали ответственным за буйное поведение его свиты, грубость которой была хорошо известна всему городу. К этим особо порочным людям причисляли Максима Сургулина и Антонио Пати, но, конечно, самым отъявленным был незаконнорожденный сын Квирино Антонелло, которому тот передал некоторые из своих полномочий. В глазах местных жителей Антонелло был “тираном”³⁶, поскольку ему разрешалось забирать у них понравившиеся ему товары, определять условия продажи вина или поднимать налоги, и кроме того ему дозволялось сечь горожан и подвергать их оскорблениям – в результате “многие возопили”.

За свои злоупотребления и скандалы Квирино был осужден и понес наказание в виде полугодового заключения в низшую тюрьму Венеции, конфискации имущества и уплаты дополнительных пеней. Его также обязали возместить ущерб некоторым из жертв и наложили пожизненный запрет занимать публичные должности, получать пожалования из общественных средств и апеллировать об отмене или смягчении его приговора.

* * *

Как уже говорилось вначале, три казуса были, разумеется, не единственными преступлениями, зафиксированными в этом регионе или где-нибудь в других землях, где правила Синьория. Однако они могут считаться исключительными в силу того, что имели большой общественный резонанс и были совершены чиновниками, которые занимали самые высокие посты в ключевых центрах венецианской власти – людьми, от которых ожидали, что они будут представлять Синьорию самым достойным образом, умело контролировать своих подданных и служить образцом наилучшего способа управления. Широкую известность этих казусов подтверждают и венецианские документы – они показывают, что власти метро-

полии, квалифицируя эти злоупотребления как самые бесчестные проступки и деяния, направленные против Республики и ее подданных, намеревались подвергнуть чиновников суровому наказанию³⁷.

В какой-то степени причины подобных проступков можно объяснять личными характерологическими особенностями и амбициями этих людей. Однако, если детально проанализировать их поступки и проследить реакцию властей на их поведение, то можно обнаружить, что их действия были в основном обусловлены специфическими социально-политическими обстоятельствами более широкого значения. Первое такое обстоятельство связано с тем, что Пьетро Аримондо, Бенедетто Контарено и Паоло Квирино играли важные общественные роли и участвовали в тонкой политике, направленной на обеспечение венецианской стабильности в регионе. Эти роли давали им реальную свободу действий, связанных с принятием решений, особенно в то время, когда Венеция была вовлечена в войну против Балшичей. Они же использовали турецкие войска и иногда даже привлекали на свою сторону деревенских жителей *Albania Veneta*, в какой-то момент создав для Венеции угрозу утраты ею больших территорий³⁸. Вначале все три чиновника получали похвалы от центральной власти за их усилия в урегулировании напряженностей, и это давало им дополнительный повод для осознания обширности своей власти, а также различные возможности замять их собственные злоупотребления или добиться того, чтобы власти до некоторого момента молчаливо им попустительствовали. Важно отметить, что Синьория, по-видимому, более терпимо относилась к финансовым преступлениям, но, конечно, ее благожелательное отношение быстро сходило на нет, когда чиновники превышали свои полномочия и начинали действовать независимо от Венецианской Республики или прямо содействовать ее врагам³⁹.

Второе важное обстоятельство, общее для всех трех случаев, – отсутствие нормированных функций и обязанностей должностных лиц в Венецианской Албании. Поскольку Венеция еще только утверждалась в этом регионе, ее чиновники назначались на должности, предоставлявшие им тот круг полномочий, который определялся правительством Республики исходя из ее прежней практики. Вследствие этого в сфере их компетенции оказывались поручения и дела, которые не были предусмотрены в венецианской административной практике⁴⁰. Например, в Дураццо байло отвечал как за гражданские, так и за военные дела, в то время как в Скутари ректоры разделяли эту власть с “наместником и капитаном” (*comes et capetaneus*), а в некоторых ситуациях ректор

Скутари должен был вести юридические дела не только своего города, но и всех других областей Албании⁴¹. К тому же в сельских коммунах, которые входили в городскую округу, венецианские чиновники сталкивались с антагонизмом между деревенскими вожаками и местными феодалами в сфере финансового и юридического контроля и должны были вести переговоры и с теми, и с другими. Во многих случаях это означало необходимость принятия ситуативных решений, что в результате создавало почву для взяточничества⁴². Другую возможность для подкупа должностных лиц открывали их собственные власти в Венеции, которые внедрила в судебную систему региона процедуру апелляционной жалобы. Она позволяла подданным обойти местных чиновников и решать свои дела в Венеции, но равным образом предоставляла тем существенную автономию в судебных делах, которыми они занимались на местах. Эта двусмысленная ситуация приобретала особо сложный характер в тех случаях, когда должностные лица были вынуждены маневрировать между различными интересами своих подданных – например, когда речь шла о привилегиях коммун, которые они должны были соблюдать, дабы гарантировать свою лояльность Республике; или же когда они имели дело с местной элитой изначально феодального происхождения, которая, однако, уже в первой половине XV в. стала городской и потому пользовалась целым рядом личных привилегий, непосредственно пожалованных им Венецией⁴³. Нет сомнения, что маневры чиновников в этих сложных противоречивых ситуациях, особенно в делах, касавшихся местной феодальной элиты, давали им особую степень свободы и превышения власти (*prepotenza*).

Третья важная общая черта всех трех казусов – существование сети личных связей чиновников. Как уже было упомянуто, все трое происходили из венецианских семей, обладавших специальными знаниями о регионе, в который они посылали своих родственников в качестве деловых людей или администраторов. Если дельцы гарантировали семьям большие доходы, то чиновники обеспечивали стабильность торговой деятельности членов клана и их соответствующий статус. Синьория отдавала себе отчет в происходящем и старалась сохранять контроль над ситуацией, назначая новых должностных лиц и принимая законы, ограничивающие возможности подкупа, но семьи очень умело обходили подобные меры, устраивая свои браки с местной знатью венецианской Албании и создавая таким образом постоянные связи в регионе. Это сродство в дальнейшем было усилено благодаря дружеским отношениям и клиентеле, которая вовлекала “духов-

ных братьев”, близких друзей и их родственников. Именно через такого рода сети все три чиновника не только создали твердую почву для злоупотребления ресурсами и подданными Синьории, но и – что даже важнее – получили возможность превращать политику Республики в их собственную семейную аферу⁴⁴.

По существу, описанные здесь три случая злоупотреблений правителями Венецианской Албании были вполне обдуманнными поступками, совершенными чиновниками Республики. Тот факт, что они имели место в одно и то же весьма беспокойное для Венеции время, что они были совершены высшими должностными лицами в самом сердце Венецианской Албании, приводит, однако, к выводу, что подобные ситуации были спровоцированы целым рядом следующих обстоятельств: это и исключительная степень доверия к крупным чиновникам со стороны властей, которые предоставляли им, смотря по ситуации, большие полномочия; и нестабильность связанных с региональными должностями административных институтов; и эффективность сети личных связей чиновников с местной элитой. Неспособность Синьории на начальном этапе колонизации в начале XV в. оперативно отладить и контролировать административные механизмы Венецианской Албании способствовала тому, что грань, отделяющая широкомасштабную коррупцию от практики правления, в морской Республике размывалась все больше.

Пер. с англ. С.И. Лучицкой

¹ В 1571 г. южная часть этой территории оказалась в руках Османской империи. Другие части оставались под управлением Венеции до 1797 г.

² *Valentini G.* Appunti sul regime degli stabilimenti Veneti in Albania nel secolo XIV e XV // *Studi Veneziani*. Vol. 8. P. 195–265 (здесь р. 202–2100); *Ducellier A.* La façade maritime de l’Albanie au Moyen Âge: Durazzo et Valona du XI^e au XV^e siècle. Thessaloniki, 1981. P. 490–509; *Schmitt O.J.* Das venezianische Albanien (1392–1479). München, 2001. P. 217–274. (Südosteuropäische Arbeiten; 110).

³ О некоторых примерах такого рода злоупотреблений, имевших место в Дри-васто и Бутринто, см.: *Valentini G.* Acta Albaniae Veneta saeculorum XIV et XV (далее AAV). Palermo, 1967–1975. Т. 2, vol. 6, no. 1559 (27.05. 1410). P. 56–57; no. 1749 (22.06. 1412). P. 232–233. Анализ такого рода злоупотреблений; зафиксированных в других частях венецианских владений на Востоке, см. в кн.: *O’Connell M.* Men of empire: power and negotiation in Venice’s maritime state. Baltimore, 2009. P. 126–129.

⁴ Примеры того, как предоставление должностному лицу полномочий воспринималось как приглашение к административному произволу (*licentia*) см. в актах Венецианской Албании: Palermo, 1967–1975. Т. 2; Vol. 5, no. 1483. О том, как жители воспринимали чиновников, которые вели себя “вразрез с их полномочиями” (*contra formam suae commissionis*), см.: AAV 2: 5. No. 1246 (4.04.1407). P. 23–24.

- ⁵ Его брат Донато был графом Скутари, а позже байло Корфу и Негропонта в Греции (AAV 2: 6. No. 1745ter [14.06. 1412]. P. 228), а некоторые его родственники служили в венецианской администрации Зары, Себенико, Арбы, Спалато. Подробнее о нем см. в кн.: *Schmitt O. J.* Op. cit. P. 373–374; *O'Connell M.* Op. cit. P. 65, 186, п. 46. Помимо административной структуры в этой монографии на примере всего венецианского региона подробно исследуются предпосылки возникновения и основные черты феномена подкупа должностных лиц.
- ⁶ В более общем смысле термин *байло* (*baiulus*) обозначает гражданского правителя, в то время как термин *capetaneus* – военного. Однако иногда функции байло и капитана перекрывали друг друга. См.: *O'Connell M.* Op. cit. P. 42.
- ⁷ О прочих оскорблениях, которые он нанес другим подданным, см в: AAV 2: 5. No. 1430 (11.05. 1429). P. 242–243; AAV 2: 6. No. 1607 (13.11. 1410). P. 95–96. AAV 2: 5. No. 1488 (29.10. 1409). P. 296–301.
- ⁸ *Ibid.: horribiliter et inhumane [...] tormentando ipsum diuersimodo non obseruando modos qui seruari debent in consimilibus actibus.* Пытки и физические наказания были частью средневековой пенитенциарной практики, а комната для пыток и расследований находилась в самом центре политической власти Республики, как раз над тем помещением, которое занимал Совет Десяти, в то время как нижняя тюрьма (Поцци), куда отправляли венецианских нобилей, обвиняемых в более крупных правонарушениях и преступлениях, соединялась с тем залом, в котором происходили заседания Большого Совета. Подробнее о венецианской тюрьме см.: *Geltner G.* *The Medieval Prison: A Social History.* Princeton, 2008. P. 32, P. 44–53.
- ¹⁰ *O'Connell M.* Op. cit. P. 121–122.
- ¹¹ AAV 2: 5. No. 1276 (19.08. 1407). P. 51; No. 1290 (27.09. 1407). P. 64–65.
- ¹² AAV 2: 5. No. 1348 (22.05. 1408). P. 136–137.
- ¹³ В 1403 г. граф Никита Топиа захватил форт Кроя у Елены Топиа (дочери Карло Топиа), приобретая таким путем земли, которыми раньше владел его родственник Карло Топиа.
- ¹⁴ AAV 2: 5. No. 1352 (07.06.1408). P. 142–145.
- ¹⁵ AAV 2: 5. No. 1350 (06.06. 1408). P. 137–138; AAV 2: 5. No. 1340 (06.05. 1408). P. 123.
- ¹⁶ Об обычной скудости и фрагментарности донесений магистров и их внимании к деталям только в тех случаях, когда за расследованием происходил судебный процесс, см.: *O'Connell M.* Op. cit. P. 123.
- ¹⁷ Более прочный мир с Балшичами был достигнут благодаря брату Пьетро Донато Аримондо в 1412 г. (см.: AAV 2: 6. No. 1745 (14.06. 1412). P. 228. Тот факт, что приговор Пьетро не повлиял ни на кого из членов семьи, приводит к заключению, что преступления были связаны скорее с личными амбициями Аримондо, чем с его семейным кланом.
- ¹⁸ *Schmitt O. J.* Op. cit. P. 373.
- ¹⁹ AAV 2: 5. No. 1463 (27.08. 1409); AAV 2: 6. No. 1636 (14.02. 1411). P. 115–116; No. 1647 (2.04. 1411). P. 123. В этот период город Скутари стал большой проблемой для венецианской администрации, так как чиновники ввели дополнительное налогообложение для населения, но не вложили доходы от поборов в оборонительную систему, так что население относящихся к городской коммуне деревень страдало от любого набега Балшичей или турок-османов. Эта ситуация вызывала растущую массовую неудовлетворенность жителей и начиная с 1399 г. приводила к частым мятежам. Подробнее об этом см.: *Schmitt O. J.* Op. cit. P. 245–251.
- ²⁰ При этом Контарено утверждал, что тот на самом деле имел какие-то связи с мятежниками (AAV 2: 6. No. 1601; AAV 2: 6. Nos. 1569 и 1571 (15.07. 1410).

- Р. 65–66. AAV 2: 6. No. 1590 (22.08. 1410). P. 80–81.) В мае 1410 г. поднялся мятеж в клане Памалоти (см.: AAV 2: 6. Nos. 1544 и 1546 (05.05. 1410, 42–43)). В предшествующий период после всплеск мятежей (например, в начале 1405 г.) местные вожди обычно приносили покаяние, и Венеция принимала это покаяние передавая им какие-то новые земли (пронии) или привилегии, таким образом “покупая” их лояльность на будущее.
- ²¹ AAV 2: 6. Nos. 1591 и 1592 (28.08. 1410). P. 81–83.
- ²² В документах есть упоминания и о каких-то мятежах, которые имели место до наступления лета 1409 г. (AAV 2: 5. No. 1457).
- ²³ AAV 2: 6. Nos. 1587 и 1589 (10.08. 1410). P. 78–80.
- ²⁴ См., например: AAV 2: 5. No. 1377 (28.09. 1408). P. 174–175.
- ²⁵ AAV 2: 5. No. 1377 (28.09.1408). P. 174–5; No. 1408 (13.02. 1409). P. 209; AAV 2: 5. Nos. 1410 и 1411 (02.03. 1409).
- ²⁶ AAV 2: 5. No. 1398 (13.02. 1407). P. 208; Nos. 1432 и 1433 (21.05. 1409). P. 244–246.
- ²⁷ Документы упоминают о полномочиях Контарено в связи с тем, что он отправлялся в качестве посла к Балше. AAV 2: 5, No. 1401 (09.02. 1409). P. 201–204.
- ²⁸ AAV 2: 6. Nos. 1579 and 1582 (08.08. 1410). P. 73–76; No. 1581 (02.08. 1410). P. 72–73. Из этих документов неясно, мог ли этот донос быть связан с возможными амбициями подчиненного, стремившегося выдвинуться за счет проблем с высшими инстанциями, которые появились у его начальника.
- ²⁹ AAV 2:5. No. 1433 (21.05. 1409). P. 244–246.
- ³⁰ В ряде актов он все еще упоминается как ректор (AAV 2: 5. No. 1463.). В актах также упоминаются планы Синьории послать нового ректора в Скутари (AAV 2: 6. No. 1564 (12.06. 1410). P. 61).
- ³¹ AAV 2: 6. No. 1615 (21.11. 1410). Cf. No. 1637 (16.02. 1411). P. 116–117. В источниках говорится о некоторых более ранних попытках отозвать Контарено, которые, однако, не были реализованы, так как наделенные соответствующими полномочиями чиновники избегали осуществить приказ. Среди чиновников, уклонявшихся отозвать Контарено был и Донато, брат Пьетро Аримонди (AAV 2: 6. No. 1615 [21.11.1410] и Nos. 1636–1637).
- ³² О его увольнении как об уже свершившемся факте упоминается в архивах: AAV 2: 7. Nos. 1953 и 1954, 18.03. 1415). P. 192. О его семье см. в кн.: *Schmitt O.J.* Op. cit. P. 373–374.
- ³³ См. о нем в актах: AAV, 2: 7. Nos. 1893 и 1894 (04.10. 1414). P. 139–140; No. 1898 (13.09. 1414). P. 143–4; AAV 2: 7. No. 1905 (11.10. 1414). P. 149–150. Он также упоминается в документах, относящихся к привилегиям рынка Сан Серджио – рынок еще задолго до этих событий был создан Квирино. Он упомянут и в других документах: 2: 7. No. 1951 (19.03. 1417); No. 1963 (23.05. 1415). P. 200–201 (См. свидетельства о его активных переговорах с Балшей в венецианских документах: AAV, 2: 7. No. 1915 (05.11. 1414). P. 159–165).
- ³⁴ AAV 2: 7. No. 1873 (08.06. 1414). P. 116–117; No. 1909 (19.10. 1414). P. 155–156.
- ³⁵ AAV 2:8. No. 2021 (01.06. 1416). P. 31–36. Общее описание некоторых связанных с именем Квирино скандалов см. в кн.: *O’Connell M.* Op. cit. P. 131–132.
- ³⁶ В некоторых случаях этот термин употреблялся венецианцами в качестве общего обозначения местных феодальных сеньоров. См.: AAV 2: 6. No. 1651.
- ³⁷ Пример такой риторики в случае с Аримондо см. в: AAV 2: 5, No. 1488: *contrafecit Regimini suo contra honorem dominacionis contra Sacramentum suum et contra formam sue commissionis et expresse in onus it infamiam dedecus et vilipendium dominacionis nostre et regiminisi sibi commissi*; см. также: AAV 2: 6.

- No. 1636 (14.02.1411). P. 115–6: *contra deum Jus et Justitiam Justificati fecisse... AAV 2:5. No. 1433 (21.05. 1409). P. 244–246: nec scimus unde procedat, quod ausus fuerit non observare nostra mandata, Ex quorum Inobservancia videmus procedere magna damna factis nostri comunis [...] quod non est bene factum, Jmo est cum maxima Infamia nostrij communis [...] Predicta omnia faciendo contra honorem et Statum dominacionis nostre et in maximum dedecus et Vilipendium Ecclesie et fidei caholice); по поводу риторики, употреблявшейся в случае с Квирино, см.: AAV 2: 8. No. 2021 (01.06. 1416). P. 31–36: *inmagnum onus et infamiam dominacionis nostri ac in vituperium dedecus et Infamiam dicti sui Regiminis [...] maxima murmuratione et Infamia dicti regimina [...] in maximam onus et infamiam tam dominacionis nostre quam in vituperium et dedecus Regiminis [...] in maximam murmurationem subditorum et fidelium lamentancium [...] maximum vilipendium, dedecus et infmiam dominacioni nostre et in murmurationem et scandalum*, etc.). Об идеологических коннотациях этой риторики см. в кн.: *O'Connell M.* Op. cit. P. 57–58. Also, cf. *Queller D.E.* Venetian Patriciate: Reality Versus Myth. Urbana; Chicago 1986. P. 173; cf. *Chittolini G.* The “Private”, the “Public”, the State // *The Journal of Modern History: Suppl.: The Origins of the State in Italy 1300–1600.* 1995. Vol. 67. P. 34–61 (здесь р. 51). *O'Connell M.* Op. cit. P. 120, O'Коннел пришел к выводу, что термины “Бог, справедливость и честь”, как и ссылки на “скандал” и “роптание”, с нарастающей силой использовались в обвинениях чиновников, которые были замечены в попытках децентрализации власти или сотрудничестве должностных лиц с местными феодальными элитами.*
- ³⁸ Этот конфликт был частью так называемой Первой войны за Скутари, которая велась между Балшичами и Венецией (1405–1412). Конечное поражение Венеции на этой стадии произошло в большой степени благодаря тому, что Балша заключил союз с Османской империей и великим герцогом Боснии (1392–1435), а также применил тактику партизанской войны. Договор о мире был заключен 26 ноября 1412 г. и ратифицирован 30 января 1413 г. Согласно договору, Балша должен был получить доходы от Скутари, Дривасто и Сан Серджио при условии, что он даст обещание не притеснять население Антивари, Дулчино и Будуи, которые в 1405 г. признали венецианское господство.
- ³⁹ *Queller D.E.* Op. cit. P. 184–186; *Arbel B.* Venice's Maritime Empire in the Early Modern Period // *A Companion to Venetian History 1400–1797/* Ed. E. Dursteler. Ledien, 2013. P. 146–147.
- ⁴⁰ *O'Connell M.* Op. cit. P. 45. Cf. *Thiriet F.* La Romanie vénitienne au Moyen Âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIIe–XVe siècles). P., 1959. P. 190.
- ⁴¹ AAV 2: 6. No. 1720 (20.03.1412). P. 201–202.
- ⁴² *Bozić I.* Le système foncier en “Albanie vénitienne” au XV siècle // *Bolletino dell' Istituto di storia della società e dello stato veneziano.* 1963–1964. Vol. V–VI. P. 65–140; *Bartl P.* Le piccole Indie dei Veneziani. Zur Stellung Albaniens in den Handelsbeziehungen zwischen der Balkan und der Appenninenhalbinsel// *Münchener Zeitschrift für Balkankunde.* 1981–1982. Bd. 4. P. 1–10.
- ⁴³ *Finlay R.* Politics in Renaissance Venice. New Brunswick; New Jersey, 1980. P. 68–73; *Schmitt O. J.* Op. cit. P. 142–143. См. примеры ситуаций, когда некоторые партии ссылались на все время меняющуюся интерпретацию чиновниками понятия справедливости: AAV 2: 5. No. 1246 (07.04. 1407) (В актах некий Паоло Бона, обвиненный в ложном толковании завещания). Примеры специальных *gratiae* Синьории феодальным сеньорам см. в актах: AAV 2: 6. Nos. 1525; 1538; 1539; 1540; 1548; 1561; 1635; 1638; 1717; 1749; 1760 etc.
- ⁴⁴ *Schmitt O. J.* Op. cit. P. 367–397.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. ГУРЕВИЧА

М.Л. Андреев

ГУРЕВИЧ VERSUS БАТКИН: СПОР ДВУХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ? 5-11

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ
ТЕКСТАМ 12-17

М.Ю. Парамонова

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: МИССИЯ КАК ДОЛГ И КАК
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР 18-65

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ 66-74

Д.Б. Кейнс

IMITATIO CHRISTI И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ 75-98

Ю.Е. Арнаутова

IMITATIO CHRISTI: ТЕОЛОГЕМА И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ В
БЕНЕДИКТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ 99-139

М.Р. Ненарокова

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ *IMITATIO CHRISTI* ДЛЯ ЧАСТ-
НОГО ЛИЦА (ПРИМЕР МЕХТИЛЬДЫ ХАКЕБОРНСКОЙ) 140-161

Мехтильда Хакеборнская

КНИГА ОСОБОЙ БЛАГОДАТИ (*пер. с лат. М.Р. Ненароковой*) 162-181

М.Г. Логутова

“ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ” ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО 182-224

А.Е. Махов

ДЬЯВОЛ – ИМИТАТОР ИЛИ АЕМУЛЯТОР БОГА? 225-238

О.И. Тогоева

ПРОРОК, МУЧЕНИЦА ИЛИ ТРИУМФАТОР? *IMITATIO CHRISTI*
В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д’АРК (XV–XVII ВВ.) 239-257

Х. Крайсель

IMITATIO DEI В “ПУТЕВОДИТЕЛЕ РАСТЕРЯННЫХ” МАЙМОНИДА 258-309

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
“ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?”**

<i>О.Е. Кошелева</i>	
ВВЕДЕНИЕ	310-314
<i>Ю.Е. Арнаутова</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ.....	315-336
<i>П.Ш. Габдрахманов</i>	
ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЛАНДРИИ (ПО РОДОСЛОВНЫМ СПИСКАМ АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ).....	337-345
<i>Ю.П. Крылова</i>	
“УЮТ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ”, ИЛИ ОБ ОТНОШЕ- НИИ К РЕЛИГИОЗНЫМ ПРАКТИКАМ ВО ФРАНЦИИ XIV в.	346-354
<i>О.И. Тогоева</i>	
ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕ- СЕЧЕНИЯ.....	355-365
<i>С.К. Цатурова</i>	
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ: ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV вв.	366-372

**ВЕНЕЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

<i>П. Ланаро</i>	
ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII вв.	373-386
<i>Н. Жечевич</i>	
<i>SERENISSIMA</i> МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВНЕЦИАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ.....	387-401

ОБРАЗ “ДРУГОГО”

<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ И ИУДЕИ В ЛЕТОПИСНОМ РАССКАЗЕ О ВЫБОРЕ ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ.....	402-440

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>М.Ю. Реутин</i>	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МИСТИКА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.....	
<i>Peter Dinzelsbacher. DEUTSCHE UND NIEDERLÄNDISCHE MYSTIK DES MITTELALTERS: EIN STUDIENBUCH. BERLIN; BOSTON: W. de GRUYTER, 2012. 424S.</i>	441-454

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ХАРИТОНОВИЧА	455-456
---	---------

IN MEMORIAM

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ БОРИСА ДУБИНИНА (31.12.1946–20.08.2014).....	457-459
О БОРИСЕ И БОРХЕСЕ	459-462
SUMMARIES.....	463-470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

CONTENTS

COMMEMORATING THE 90th ANNIVERSARY OF ARON YA. GUREVITCH

Mikhail L. Andreev

GUREVITCH VERSUS BATKIN: THE CONTROVERSY OF TWO
EPISTEMOLOGIES?

Leonid M. Batkin

A NOTE ON THE DIALOGIC APPROACH TO CULTURAL TEXTS

Marina Yu. Paramonova

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: MISSION AS A DUTY AND AS
AN INDIVIDUAL CHOICE

IMITATIO CHRISTI IN THE MEDIEVAL AND EARLY MODERN RELIGIOUS CULTURE

Yulia E. Arnautova, Anna B. Gerstein

INTRODUCTION

David B. Capes

IMITATIO CHRISTI AND THE GOSPEL GENRE

Yulia E. Arnautova

IMITATIO CHRISTI: A THEOLOGICAL CONCEPT AND A LITERARY
MODEL IN THE BENEDICTINE HAGIOGRAPHY

Maria R. Nenarokova

PRAYER AS A WAY OF *IMITATIO CHRISTI* FOR AN INDIVIDUAL (THE
CASE OF MECHTILDE OF HACKEBORN)

THE BOOK OF SPECIAL GRACE OF ST. MECHTILDE OF HACKEBORN
(*Transl. from Latin by Maria R. Nenarokova*)

Margarita G. Logutova

THE BOOK *DE IMITATIONE CHRISTI* BY THOMAS A KEMPIS

Alexander E. Makhov

IS THE DEVIL AN *IMITATOR* OR AN *AEMULATOR* OF GOD?

Olga I. Togoëva

PROPHET, MARTYR OR TRIUMPHATRIX? *IMITATIO CHRISTI* IN THE
HISTORY OF JOAN OF ARC (15th–17th CENTURIES)

Howard Kreisel

IMITATIO DEI IN MAIMONIDES' GUIDE OF THE PERPLEXED

**MATERIALS OF THE ROUND TABLE
‘CAN THE HISTORY OF MEDIEVAL EVERYDAY LIFE
BE STUDIED?’**

Olga E. Kosheleva

INTRODUCTION

Yulia E. Arnautova

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE TODAY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

PRACTICES OF NAME GIVING IN FLANDERS ACCORDING TO GENEALOGIES OF *TRIBUTARII* (12th–13th CENTURIES).....

Yulia P. Krylova

“THE COMFORT OF EVERYDAY EXISTENCE”, OR ON RELIGIOUS PRACTICES IN THE 14th CENTURY FRANCE.....

Olga I. Togoeva

THE HISTORY OF LAW AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE: INTERSECTIONS.....

Susanna C. Tsaturova

THE EVERYDAY ROUTINE OF STATE BODIES: FRENCH ROYAL OFFICERS’ GROUP STRATEGIES AND INDIVIDUAL CLAIMS IN 13th–15th CENTURIES.....

VENICE: PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

Paola Lanaro

STRANGERS IN THE CITY OF STRANGERS: THE VENICE OF 14th–18th CENTURIES

Nada Zečević

SERENISSIMA BETWEEN POWER AND CORRUPTION: STRATEGIES OF VENETIAN OFFICIALS’ BEHAVIOUR.....

IMAGE OF THE ‘OTHER’

Marianna Y. Andreycheva

MUSLIMS, CATHOLICS AND JEWS IN THE STORY OF CHOOSING THE FAITH BY PRINCE VLADIMIR IN THE *PRIMARY CHRONICLE*: IMAGES AND MEANINGS

REVIEWS

Mikhail Y. Reutin

THE MEDIEVAL MYSTICISM IN GERMANY AND IN THE NETHERLANDS.....

Peter Dinzelbacher. Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters. Ein Studienbuch. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2012. 424 S.

ANNIVERSARIES

THE 70th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH KHARITONOVICH

IN MEMORIAM

A FEW SAD CONSIDERATIONS OF BORIS DUBIN'S DECEASE (31.12.1946–20.08.2014).....

ABOUT BORIS AND BORES.....

SUMMARIES.....

ABOUT THE AUTHORS.....